

Александр Ф. Каменецкий

УИДЖИ
И ГИРЯДРАССЕТИИ
ТУДАИ

Александр Феликсович Каменецкий

Уйдём в предрассветный туман

Серия «Солнечный круг», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25457541

SelfPub; 2023

Аннотация

Он сирота, лишённый даже собственного имени, и мир вокруг чрезвычайно суров. Что может простой мальчишка? Только приспособливаться и выживать. От всяких бед, от опасностей, от криминального окружения он все чаще убегает и прячется в таинственном заброшенном городском районе, в котором странным образом нарушаются пространственные законы. Туда почти невозможно попасть и ещё сложнее выбраться. Лишь там он хоть на короткое время может побыть в одиночестве, не опасаясь постоянных угроз. Но однажды утром, к удивлению мальчишки, он встречает там странного человека. Что принесёт ему эта встреча – удачу или гибель?

Александр Каменецкий

Уйдём в предрассветный туман

Уйдём в предрассветный туман.

Песня «Вечер на рейде»

слова А. Чуркина

– Малыш, ты не мог бы мне помочь?

Голос был спокойный, твёрдый и незнакомый. Казалось, голос принадлежал человеку солидному, уверенному в себе, и в то же время был странно молодым. Малыш со сдерживаемым любопытством и страхом, осторожно выглянул сквозь щель между серыми занозистыми досками разошедшей стены. Поморгал. Бесшумно шагнув, наклонился, почесал исцарапанное колено и приник к другой щёлке. Молодой человек на улице терпеливо ждал, рассматривая дом (если так можно было назвать это покосившееся строение). Был человек Малышу незнаком, в этом можно было не сомневаться. Увидишь такого – вряд ли забудешь. Зрелище было ещё то! Никогда Малышу не приходилось встречать так странно одетого мужчину. И не только в их районе, где люди одевались не в то, во что хочется, а в то тряпье, что сумели раздобыть. Но

и в центре города, где располагались многоэтажные здания городских контор и центральный полицейский участок, где сновали туда-сюда клерки,стряпчие и всякие важные чинуши, и в южном районе у моря, где жили в своих коттеджах богачи, и даже в портовом районе, где встречались путешественники почти со всего света, таких странных Малышу до сих пор не попадалось. На незнакомце были грубые потёртые светло-синие штаны, ярко-красная тёплая рубаха или, скорее, тонкий свитер. Поверх этого – нараспашку тёмный плащ, длиной до колен, и шляпа на голове. Шляпа, представляете?! И это в самую жару, под бьющими лучами выкатившегося на безоблачное небо летнего солнца. А уж на ногах у незнакомца было нечто совсем непонятное. Ни сапоги, ни ботинки. Вернее, ботинки, но белые, с разноцветными полосками, с толстой подошвой. Какой сапожник стачал такое непотребство, можно было только гадать.

Впрочем, молодой человек не вызывал особых опасений, даже, пожалуй, выглядел располагающе, но кто же верит первому впечатлению. Малыш разглядывал чужака, не спеша отзываться, и не решив ещё: выйти поговорить или сбежать через окно в противоположной стене.

– Малыш, ты не мог бы мне помочь? – незнакомец в шляпе, спокойно и не меняя интонации, повторил вопрос. И добавил: – Выходи, не бойся.

«Откуда он знает, как меня зовут? – подумал Малыш. – Да и вообще знает, что я здесь? Видеть меня он не может. Или

может? – Малыш отпрянул от щёлки, постоял в сомнении и приник к ней опять. – Меня кто-то сдал?! Нет, невозможно. Никто не знает, где я прячусь!»

Малыш поморщился, лихорадочно соображая, как поступить. Чужак на улице своим появлением напугал и привёл в замешательство: «Откуда ж ты взялся?! Чего тебе нужно-то от меня?!»

Малыш оглянулся на оконный проем с остатками выломанной в давние времена рамы – никого, только заросший репейником пустырь. Путь свободен. Ещё не поздно тихонько сбежать. Но жалко укрытия, здесь всегда было тихо и безопасно. Наконец, он решился.

– Чего ты хочешь? – крикнул Малыш, вернувшись к наблюдению за чужаком, стараясь сделать свой голос грубее и унять невольную дрожь.

– Выходи. Не бойся. Мне нужна небольшая помощь, – чужак вдруг улыбнулся, вспомнив о чём-то, и радостно добавил, – я могу заплатить.

Малыш поколебался ещё немного, оглядывая через щель узкий пыльный переулок – похоже, чужак был в самом деле один. Затем Малыш откинул крючок, цепляющийся за ржавый гвоздь (и зачем закрывался, если окон нет) и, открыв тонко скрипнувшую дверь, встал на пороге. Чужак не сделал ни одного движения, стоял и внимательно рассматривал Малыша, не торопясь начинать разговор. Потом кивнул каким-то своим мыслям и сказал:

– Привет, малыш.

Малыш промолчал, и незнакомец, поняв, что ответа не дожждётся, заторопился:

– Я тут слегка заблудился, ты мог бы мне рассказать, как пройти в... – он запнулся, пощёлкал пальцами и сунул руку в карман плаща. Малыш был настороже, он резко отскочил в сторону, скрываясь за стеной.

– Нет, нет, не бойся! – Чужак вытянул свободную руку успокаивающим жестом с открытой ладонью в сторону Малыша.

Малыш выглянул одним глазом из-за косяка двери и увидел, как чужак медленно-медленно вытащил вторую руку из кармана и поднял обе ладони перед собой, показывая, что ничего опасного в них нет. В правой руке между двумя пальцами он зажал клочок желтоватой бумаги. Малыш вышел и опять остановился в дверном проёме, не переступая низкий, истёртый в середине порог. Чужак также медленно развернул бумажку:

– Да, вот, Чернецкий тупик, – прочитал он и повторил, глядя на Малыша, – Чернецкий тупик. Расскажи, как туда пройти.

– Кто тебе разболтал, что я здесь ночую? – Малыш не сводил серых внимательных глаз с незнакомца и, кажется, даже моргать забыл. Это был важный вопрос.

– В каком смысле? А, вот ты о чём! Да никто не болтал, – человек в шляпе пожал плечами, – я сам тебя заметил, ко-

гда утром проходил мимо. Почти случайно. Заглянул в щёлку, вижу – ты спишь, ну я и пошёл дальше, не стал тебя беспокоить. Но тут поблизости вообще никого нет, только ты один. Странное место. А мне бы дорогу узнать, заплутал я у вас, кругами хожу. Когда снова вернулся сюда, решил тебя окликнуть.

– Врёшь! – убеждённо сказал Малыш.

– Ну почему же... – растеряно заморгал чужак, услышав в голосе Малыша полную уверенность. – Да и зачем?

– Врёшь! – повторил мальчишка и кивнул в подтверждение.

– Да с чего ты это взял, малыш? – чужак, похоже, начал терять терпение. Глянул ещё раз на бумажку, которую по-прежнему держал в руке, оглянулся. Солнце поднималось всё выше, освещая узкую пыльную мостовую и пробивающуюся сквозь камни чахлую иссушенную траву.

– А с того! – победно глянул на него Малыш. – Откуда бы ты знал, как меня зовут, а?

Незнакомец ещё поморгал, почесал согнутым пальцем висок, сдвинув шляпу, и не спеша сказал:

– Так я, вроде как, и не знаю, как тебя зовут.

– Врёшь! – ещё раз непоколебимо и уже как-то радостно сказал Малыш. – Сам только что назвал меня Малышом!

– Ну да, назвал. Ну и... – чужак нахмурился, и вдруг расцвёл улыбкой, – постой, так тебя так и зовут – Малыш?! Во дела... – и он хлопнул себя ладонями по бёдрам, отчего по-

лы плаща взметнулись и медленно опали. Вновь посмотрел на зажатую в руке записку и небрежно сунул её в карман. – Я же не то имел в виду... – он сделал шаг навстречу Малышу и тут же, спохватившись, отступил на прежнее место, заметив попытку Малыша удрать, и быстро, но сбивчиво стал объяснять: – Ну... я назвал тебя малышом, потому что ты и есть... ну, малыш. – Он нахмурился, помотал головой, помолчал, глядя на Малыша (тот глядел на чужака с ехидной усмешкой), и продолжил уже спокойней. – Я имел в виду, что ты ещё совсем маленький человек, ребёнок, потому и назвал тебя малышом. Называть тебя – «мальчик», было, как-то не совсем ловко. В моём... гм, в моей стране мальчиков твоего возраста взрослые иногда называют малышами.

– Врёшь, – сказал Малыш уже не так уверенно.

– Ну что ты заладил: «врёшь, врёшь». Я тебя ещё ранним утром, часа три назад заметил. Ну, наследил ты вокруг своего жилища, малы... гм, Малыш. Нет, ты не бойся, следов немного, неопытный человек вовсе ничего не заметит, ну а я вот... Заглянул к тебе осторожно – ты спал, я и пошёл дальше по своим делам. Только у вас здесь лабиринт какой-то, да не простой, а заколдованный. Шёл вроде куда нужно, а пришёл опять сюда. Пошёл другим путём – и вот я снова здесь. Прямо чудеса какие-то. И всё заброшено, пусто, никого нет, кроме тебя, вот и пришлось тебя беспокоить. Мне нужно-то, чтобы ты подсказал, как дойти до Чернецкого тупика, а то я что-то в тупике. – Чужак невесело усмехнулся. – А может,

ты не слишком занят и можешь меня проводить?

Чужак замолчал и терпеливо ждал ответа от Малыша. А тот вдруг вспомнил, что этим утром он и в самом деле проспал необычно долго. И снился ему странный сон. Он не спеша взбирался на холм, заросший высокой густой травой, усыпанной прозрачными шарами одуванчиков, высокими зонтиками пижмы и белыми метёлками донника. Солнце над головой не жгло, а ласково грело. Привеченные солнцем, стрекотали кузнечики, жужжали пчелы, но их «голоса» перекрывала незнакомая мелодия. Как будто кто-то невдалеке пел неспешную, печальную, но светлую песню. Слов Малыш не разобрал, а мелодия без слов не запомнилась, и только непривычная печаль этой песни засела и царапала его изнутри. И ожидание. Ожидание, что вот-вот что-то случится, но не тревожное, а необычно-радостное, словно радуга после грозы. Хороший был сон, и от воспоминаний о нём внутри у Малыша странно защекотало. Может, даже слишком хороший, но Малыш решил – это хороший знак.

– Нет, здесь никакого Чёртецкого тупика. – Малыш выказал напускную суровость, он уже не боялся чужака. Опасался – да, но бояться перестал. Мальчишка сел прямо на пороге скрестив ноги и выставив вперёд тощие, грязные коленки. – И я совсем не маленький, меня просто так зовут.

– Ну, конечно. Теперь и я вижу, что ошибся, – неуверенно сказал чужак, разглядывая худенького мальчика лет едва ли десяти. Тот был босиком, в темных потрёпанных штанах

до колен, в грязной серой майке, с несколькими дырками, и сам он был какой-то пыльно-серый: и волосы, и руки, и ноги, и даже чумазое загорелое лицо. И только серые глаза не были пыльными, а наоборот, сверкали как вода под полуденным солнцем. Чужак оглянулся, оглядел сплошной ряд заброшенных, с облезшими фасадами, домов в поисках куда бы сесть, не нашёл и со вздохом остался стоять. – А тупик... – он снова вытащил из кармана бумажку, – вот у меня записано точно – Чернецкий тупик. – Он поднял глаза, но мальчик отрицательно покачал головой. – Может быть, Ивовый переулок или Синяя улица?

– Есть такая улица, – очень серьёзно кивнул Малыш, а чужак обрадовано заулыбался. – Я был там два раза. Только это в южном районе, там, у моря. Чего ты здесь-то искал?

– Далеко, да? – смутился чужак. – Ну, я тут впервые. Так ты можешь меня проводить?

– Нет.

– Ты же сказал, что знаешь дорогу.

– Дорогу знаю.

– Послушай, Малыш, – незнакомец начал сердиться, но опомнился и продолжил очень мягко, – мне очень нужно попасть в этот Чёрте... э... гм... Чернецкий тупик. А ты можешь меня туда проводить.

– Нет.

– Малыш, ведь здесь никого больше нет. Да и что-то мне подсказывает, что наша встреча не совсем случайна, и никто

другой мне помочь не сможет. – И вдруг вспомнил: – Я тебе заплачу.

Мальчишка недовольно разглядывал чужака с полминуты, потом снизошёл до объяснений:

– Без меня тебе и отсюда сложно выбраться, а уж наш район ты наверняка вовсе не пройдёшь. Прибьют где-нибудь и ограбят, ты какой-то неприспособленный. – Серьёзно, как будто взрослый малышу, растолковывал мальчик. – Дорогу я знаю, но мне в южный район, тот, что у моря, мне туда нельзя. Да и в нашем районе я тебя не ото всех смогу уберечь. Тебе бы с кем-нибудь посолиднее договориться, да только это не для тебя. Уж больно ты странный и порекомендовать тебя никто не может, ведь так? Так! – уверенно кивнул Малыш. – Ты одиночка. Никто не будет с тобой связываться и помогать тебе. А самому тебе здесь не выжить. Я, так и быть, могу вывести тебя из города. Тут недалеко. Обойдёшь кругом, доберёшься до порта, а там сядешь на свой корабль и отправишься, откуда прибыл.

– Я прибыл не кораблём, но это неважно, я не могу вернуться тем же путём, мне нужно в тот тупик.

– Не кораблём? Врёшь! Ну не через пустыню же ты пришёл.

– Нет. Не будем об этом. Лучше скажи, что мне делать. – И опередив ответ Малыша, добавил: – Только не говори: «вернуться домой».

– Мне нельзя туда, – помолчав, грустно сказал Малыш, –

у меня идеологические разногласия с местными.

– Идеологические разногласия? – чужак удивлённо посмотрел на мальчика, оценивая его заново. – Ну если так, то... гм, конечно.

Он помолчал, потом осторожно предложил:

– Может, я смогу оградить тебя от этих разногласий? Я не совсем уж беспомощный.

– Ты?! – во взгляде малыша явственно прочиталось всё, что он думал о способностях чужака. – Ну, даже если мы проберёмся с тобой в твой Чёртецкий тупик, – мальчик с детским упрямством перевирал название, – который ещё найти надо, то обратно-то мне одному возвращаться. Тогда уж ты мне ничем не поможешь, да ещё, если заплатишь – с деньгами я точно далеко не уйду. На деньги у них чутьё.

– Ох, прости, – расстроился чужак, – я совсем не подумал, как ты будешь возвращаться. – Он выглядел действительно смущённым.

– Ты и не должен думать обо мне, – спокойно сказал Малыш. – Ты о себе подумай.

– Так ты не бываешь в том, как его, южном районе, который у моря?

– Ну, – смутился Малыш, опустил глаза и вновь посмотрел прямо на незнакомца, и почти прошептал, – иногда бываю.

– А как же идеологические разногласия? – незнакомец, прищулив один глаз, хитро глядел на Малыша.

– Чего ты! – надулся Малыш. – Я же не днём туда про-

бираюсь, а ночью. И один к тому же, – мстительно добавил он, – а не с таким вот...

– Ночью? – переспросил Чужак. – Ночью хуже, но, если по-другому нельзя... Ночью-то проведёшь?

Малыш упёр локти в колени и, положив подбородок на подставленные ладони, долго рассматривал чужака. Тот переминался с ноги на ногу в своих странных ботинках, но молча ждал.

И вдруг Малышу почудилось, что вновь где-то зазвучала песня. Та самая песня из хорошего сна. Малыш даже слова расслышал, только не понял – пели на чужом языке. Он не раз слышал, как моряки из других стран пели в кабаке, в портовом районе. Только их песни были в основном грубыми и громкими, а здесь еле уловимая неспешная мелодия, наполненная сильными, хоть и непонятными словами. Малыш прислушался, и песня сразу пропала – послышалось?! Точно, послышалось. А всё-таки это добрый знак.

– Ночью можно попробовать, – неохотно сказал он и добавил сердито, – но это если будешь меня слушаться.

– Обещаю! – чужак приложил руку к сердцу, но с трудом сдерживал улыбку.

– А платить чем собираешься?

Малыш всё ещё колебался и очень хотел посмотреть, как чужак будет жадничать и торговаться. Тогда можно будет отказать ему и сбежать, бросив его здесь посреди заброшенных домов.

– У меня есть деньги, – незнакомец засуетился, сунул руку в карман плаща и стал вытягивать оттуда сжатый кулак. Рука никак не вылезала, плащ задрался, и чужак, придержав полу плаща другой рукой, наконец выдернул кулак из кармана и радостно разжал. – Вот! – на ладони засверкали маленькими жёлтыми солнышками новенькие золотые монеты. Одна выскользнула сквозь пальцы и, звякнув, начала выписывать круг в пыли мостовой.

– Спрячь!!! – зашипел Малыш.

Высунувшись из двери, он стал пристально оглядывать пустую улицу и даже безоблачное небо. И не успокоился, пока этот чокнутый незнакомец не спрятал все деньги обратно в карман.

– Ты что, совсем... глупый? – Малыш явно хотел сказать другое слово, но сдержался. Он всё ещё подозрительно озирался. – На это можно жить наверно целый год. А может и два. Я в этом плохо понимаю, я столько и не видел никогда, – Малыш говорил, понизив голос почти до шёпота. – Если об этом узнает кто-то из нашего района, ни ты, ни я не уйдём отсюда живыми.

И подумал: «Глупый, но не жадный, как такому откажешь? Бросить его – пропадёт совсем».

– Прости, я не подумал. Я тоже не очень представляю, много ли это.

– Ты ограбил, что ли кого-то?

– Нет, это вполне чистые деньги. Просто мне они доста-

лись довольно легко.

– Оно и видно, – Малыш немного успокоился, но по-прежнему был недоволен. – А ещё что-нибудь есть у тебя?

– А чего?

– Ну, ты заплатить обещал!

– А это, – он похлопал себя по карману плаща, – тебя не устроит?

– Ты очень странный, – задумчиво и печально сказал Малыш. – Я даже одну такую монетку никому показать не смогу. Барыги отнимут, хорошо, если самого не убьют, чтобы не болтал потом. А в банк отнести – в полицию сдадут. Никто не поверит, что я её не украл.

– Да. Тут ты прав.

Чужак увидел, что Малыш смотрит на него снисходительно.

– Да, да, признаю, ты вообще чрезвычайно сообразительный молодой человек.

Так редко кто-то хвалил Малыша, а у чужака это вышло хорошо, искренне и по-доброму. Малышу было приятно, но виду он не подал, сокрушённо, очень по-взрослому покачал головой, встал и вошёл внутрь дома. Но сразу выглянул обратно и махнул рукой:

– Заходи, чего ты там жаришься на солнце.

– Переговоры прошли в тёплой и дружественной обстановке, – пробормотал чужак, но Малыш, кажется, его не слышал.

В доме (если эти четыре стены заслуживали такого названия) относительно целыми были только крыша, спасавшая от знойного солнца, и дверь, которая прочно держалась на двух толстых ржавых петлях. Деревянные стены и пол зияли щелями, сквозь пол местами прорастала бледно-зелёная, почти белая трава, окна – проёмы с обломками облезлых рам. У дальней стенки стоял не новый, но вполне приличный (для такого дома) стол на вычурных гнутых с резьбой ножках, покрытых потёртым красно-коричневым матовым лаком. На столешнице выделялось большое овальное чёрное пятно, как будто на стол поставили что-то горячее. Вместо стула – опрокинутый на бок дощатый ящик. Всего один. В углу лежал бывший когда-то полосатым, а теперь просто грязный, кочковатый тюфяк явно набитый сухой травой. Больше ничего в доме не было, чужак вошёл, оглядываясь по сторонам. Малыш пропустил его в дом, закрыл позади него дверь и накинул дверной крючок на гвоздь. Незнакомец очень внимательно посмотрел на эту иллюзию защищённости в полуразрушенном доме, незаметно сочувственно покачал головой: «Здорово видать тебе досталось». Но вслух сказал:

– Меня зовут Максим, можно просто Макс.

– Малыш, – сказал Малыш очень серьёзно, потёр о штаны и протянул маленькую ладошку.

Максим осторожно и очень церемонно, с лёгким поклоном, пожал протянутую руку. Затем снял небольшую матер-

чатую сумку, висевшую на лямках у него за спиной, (Малыш раньше её не заметил) поставил прямо на пол возле гнутой ножки стола, скинул плащ, аккуратно положил его на ящик, заменявший стул, и сел сверху, прислонившись спиной к стене. Шляпу ловким привычным движением стащил с головы и положил на стол, прикрыв обгорелое пятно. Подождал, пока Малыш усядется на тюфяке в любимой позе скрестив ноги, и спросил:

– Так чем же я могу с тобой расплатиться?

– Ну, как я понимаю, нормальных денег у тебя нет?

– Нормальных?

– Ну, нормальных – медных мелких монет. Какие ещё деньги могут быть у такого, как я? – тихо сказал Малыш. – Я и такие-то монеты нечасто в руках держал.

– Вот я болван! – не на шутку расстроился Максим. – У меня только такие... Ну, ты видел. Может, я смогу их где-то обменять?

– Не надо. Спрячь их подальше, чтобы никто случайно не увидел.

– Но как же...

– Я подумаю позже, – перебил его Малыш, – как ты сможешь заплатить.

Помолчали. Малыш уже не думал о деньгах, он опять вспоминал ту самую мелодию. Она постоянно крутилась в голове, что-то рассказывала, куда-то звала. От неё в груди звенела прозрачная пустота, к горлу подступал комок, а глаза

часто моргали, стараясь сдержать ненужную влагу. Малыш не плакал очень давно, с тех пор как понял: слезы не могут ничем помочь, от них будет только хуже. Решат, что ты слабак, ты лёгкая добыча, этого допустить Малыш никак не мог. И он разучился плакать даже наедине с собой. Да, он не сдержался в тот самый день, но это был особый случай. Но сегодня всё встало с ног на голову – странный сон, странный чужак, странная песня. Вдруг песня опять зазвучала, словно прямо за окном тихо, но слаженно, пел умелый хор. Малыш даже головой помотал, посмотрел на Макса, встретился с ним глазами – тот, кажется, ничего такого не слышал, Малыш отвёл взгляд. Звуки песни исчезли, а незнакомые, непонятные слова остались в голове. Ещё чуть-чуть и Малыш поймёт их, разгадает их притягательную тайну. Ещё мгновение...

– Как ты здесь оказался, Малыш, и что ты делаешь тут совсем один?

– Что? – Малыш словно очнулся, вся таинственность исчезла, и понимание ускользнуло, как и не было никогда. – Ах да. Ночую я здесь временами, здесь никого не бывает, можно спать спокойно. Здесь вообще-то странное место.

Место было и в самом деле странным, даже таинственным. Если смотреть со стороны: стоят на самой окраине несколько заброшенных полуразвалившихся домов. Окружены они покосившимся высоким забором из черных от времени досок, ворота завалены кучей вонючего мусора, кото-

рый стаскивают сюда со всей округи. Можно, конечно, перелезть через забор и увидишь то, что и так видно издалека – ничего интересного, ничего ценного, три пустые развалюхи.

Но даже через забор никто не лазал. Казалось, что никто не замечает этого забора и этих домов. Малыш спрашивал о них у Суслика, у одноногого Конрада и даже у Большого Сэма – никто не понимал, о чём он говорит. Все их слова сводились к тому, что там есть пустырь и свалка, если там и есть заброшенные дома, то их они не интересуют (как будто мало заброшенных домов в их районе). И только Конрад после долгих расспросов вспомнил, что кажется, видел какой-то забор и дома, но ему и так забот хватает без всяких развалюх, и что Малышу тоже не на заборы надо пялиться, а сбегать в центральный район к трактирщику Вацлаву да выпросить каких-нибудь остатков, а то придётся спать опять голодным. (Конрад всегда отличался некоторой наивностью в житейских делах, и Малыш не разубеждал его, скрывая, что достаёт еду и иногда медяки не всегда столь простым и законным способом.)

Это случилось прошлой осенью. В очередной раз повздоровивши с подручным Белоглазого из-за одноногого Конрада, пришлось Малышу спастись и искать убежище на ночь. Страх и обида гнали Малыша прочь. «Отчего люди такие злые? Разве нельзя никому не делать ничего плохого? – на бегу всхлипывал Малыш. – Разве нельзя оставить нас в покое, мы же их не трогаем, даже если они нам не нравятся».

Белоглазый со своей бандой почему-то не любили Конрада (впрочем, это было взаимно). Но на стороне банды была сила и была страсть помучить, поиздеваться, посмотреть на унижение слабого и беззащитного. Конрад терпел, на подначки, тычки и различные подставы не отвечал, а Малышу говорил, что относиться к этому надо философски. Говорил, что так они отыгрываются за унижения, которые сами терпят от более сильных. Что их можно понять и даже пожалеть. Но Малышу было их вовсе не жалко, наоборот, если бы он мог, он бы всех их заставил заплатить за унижения Конрада.

Его маленьких сил никак не могло хватить даже, чтоб остановить одного бугая из банды, а в тот раз их было трое. И все же Малыш не вытерпел, забыл обо всех наставлениях Конрада (а наставления были: «сиди тут ни во что не вмешивайся, я сам разберусь») и камнем величиной с половину своего кулака засветил точно в середину лба бандиту, который отбирал у Конрада костыль.

Успел Малыш увидеть, как хлынула кровь из рассечённого лба, как отпустив, наконец, Конрада раненый заковылял прочь, зажимая ладонью лоб и покачиваясь. Успел Малыш увидеть, как двое других, присев поначалу со страха и покрутив головами, вдруг рванули прямо в его сторону. Больше ничего заметить он не успел, так как ноги сами собой понесли его прочь, пока в голову ещё только стучалась мысль о бегстве. Бег в темноте занятие не самое приятное и безопасное, но Малышу повезло, поплутав меж домами, невре-

димым добрался он до самых окраин района. Он сбавил скорость, и тяжело дыша раскрытым пересохшим ртом, перешёл на быстрый шаг.

Как оказалось, ни удачное попадание, ни бег по ночным переулкам не улучшили настроение Малыша. Гнев и обида тугим неповоротливым комком толкались у него в груди, мешали дышать, того и гляди, пробьют дыру и выльются наружу. А теперь к ним тонкими струйками стал примешиваться страх – ему этого не простят, домой теперь никак нельзя и больше ему некуда идти. «Кажется, для меня уже всё закончено в этой жизни, – уже как-то отрешённо подумал Малыш, его начинала трясти крупная дрожь. – На эту ночь надо найти место для ночлега, а завтра – будь что будет. Хотя если бы все повторилось, я бы швырнул этот камень снова, без всякого сожаления». Малыш, прячась в темноте, разгоняемой лишь звёздами да далёкими трепещущими огоньками свечей в окнах соседних домов, двигаясь вдоль того самого малоприметного забора, нащупал качающуюся доску. Отодвинул её, загнав занозу в левую ладонь и протиснувшись в узкую щель, осторожно, чтоб не споткнуться, пошёл по улице между заброшенных домов.

Шёл он в надежде, тихонько забраться в дальний дом на чердак – быть может, в темноте и не найдут, а возможно, и искать не будут. А завтра днём будет видно. Он шёл и шёл, следуя изгибам кривой улочки. Давно уже Малыш должен был упереться в забор с другой стороны, но улица продолжа-

ла извиваться между старыми домами, казавшимися в темноте необычно большими. Проплутав около часа и поняв, что окончательно заблудился, Малыш залез в ближайший дом через давно выбитое вместе с рамой окно (дверь, как ни странно, оказалась заперта на крючок), и устроился на ночлег, прямо на пыльном полу.

Страх погони испарился, и все заботы отступили, будто они касались не его лично, а кого-то далёкого, случайно и не слишком близко знакомого человека, и Малыш, подтянув колени к груди и обхватив их руками, заснул. Спал он недолго и встал, когда солнце ещё пряталось за покосившимися крышами соседних домов. Но чувство странной безопасности, какой он не испытывал ни разу в жизни, не проходило. Малыш чувству этому нисколько не поверил. Совсем безопасно может быть разве что в пустыне, где людей нету, да и то наверняка из-за бархана за тобой кто-то следит. Малыш, осторожно держась за гнилые доски (левая рука, куда накануне угодила заноза, совсем не болела и даже не покраснела ничуть), залез на чердак, а оттуда выбрался на покатую крышу, крытую ровными выцветшими деревянными плашками. Огляделся и едва не сверзился с высоты, потеряв равновесие. Устоял, замер поражённо – он не узнавал место, где находился. Насколько он мог видеть, кругом были заброшенные дома. И не один, не пять, а десятки. Этого просто быть не могло. Целый район пустых домов, о которых никто не вспоминает?!

Потом он целый день плутал по улицам заброшенного района, пытаясь вернуться домой, и даже к забору не смог выйти. Сворачивал в разные стороны, пролезал через окна, даже перепрыгивал с крыши на крышу, рискуя провалиться сквозь прогнившие доски. Но раз за разом возвращался к дому, в котором провёл ночь.

И всё-таки он нашёл дорогу. Короткий переулок, который, казалось, вёл совсем в другую сторону, упирался в большой зелёный дом с наглухо заколоченными ставнями. Слева от дома вилась узенькая, едва заметная, поросшая лебедой и крапивой тропка. Малыш пробежал по ней и, почёсывая изжаленные крапивой икры, вышел прямо к забору.

Он устал (хотя есть, почему-то хотелось не сильно), но, чтобы не столкнуться с Белоглазым или его подручными обошёл свой район почти по окраине и прибежал к одноногому Конраду. Только ему да, возможно, ещё Суслику, он был готов рассказать о своих приключениях. Но Конрад был чем-то расстроен, ворчал, охал, жаловался, что у него опять болит нога, и равнодушно выслушав Малыша, сказал, что фантазии в этом возрасте вещь хорошая и нужная, и вполне естественная, когда бы реальная жизнь, не была так сурова. Конрад, конечно, очень хороший. Из всех взрослых, так точно самый лучший, но иногда он бывает, скучен как старая дырявая калоша.

Суслик в тот день собирал подаяние (как называл это Конрад) почти до самого заката и явился с фингалом на ще-

ке, баюкая левую руку и подвывая от боли и обиды. Какие уж тут рассказы о странном районе и заброшенных домах. Конрад при помощи Малыша перевязал Суслику руку разодранной на полосы своей старой майкой, смазал синяк мазью собственного приготовления. И, конечно, весь вечер был посвящён рассказу о злоключениях несчастного Суслика. Про свои проблемы Малыш уже почти забыл, да и оказалось Белоглазый тоже как будто забыл о Малыше. Во всяком случае, о ссоре, из-за которой Малышу пришлось бежать и прятаться, никто не вспоминал. Но о своей странной, если не сказать таинственной, ночёвке Малыш помнил и терпеливо ждал удобного случая повторить своё путешествие.

Со стороны думается, что маленький воришка и побирушка, такой как Малыш, обладает массой свободного времени. Наверное, легко судить со стороны, когда ты сыт, одет и уверен, что так будет и завтра, и послезавтра. Малыш же просто знал на собственной шкуре, что это совсем не так. Чтобы выжить, добыванию еды, а иногда и мелких медных монет, одежды со свалки южного района, различных нужных предметов приходилось отводить почти всё время дня, а зачастую и часть ночи. Редко удавалось выкроить время, чтобы сбегать вместе с Сусликом в портовый район искупаться в море, да немного прополоскать грязную одежду. А ещё ведь нужно было время почитать книгу. Приходилось читать на чердаке в доме одноногого Конрада при свете маленькой тусклой свечки (за чтение Конрад всегда хвалил, а за свечку ругал).

Выкраивать время на новый поход в заброшенный район пришлось две долгих недели. Эти две недели прошли напряжённо. Суслик боялся идти побираться, рука у него ещё болела, и Малышу пришлось работать за двоих, пока Конрад не получил свою подачку (как он всегда называл пособие). Тогда у мальчишек выдался выходной. Суслик всё ещё был подавлен, часто плакал и боялся даже выходить из дома, и Малыш, отправившись бродить по улицам, как-то невольно (а скорее, очень даже вольно) оказался у заветного забора. Вот тут его и ждало неприятное открытие. Дождавшись, пока Старик Гердер перестанет коситься на него: «Чего это он околачивается возле кучи мусора», – Малыш дважды обошёл забор кругом, толкая доски. Несмотря на видимую ветхость забора, ни одна доска не шевельнулась – щели в заборе, в которую он пролез в прошлый раз, как будто и не было никогда. Малыш даже перелез через забор, чуть не разорвав при этом ветхие штаны, но обнаружил за оградой только несколько пустых заколоченных домов. Прошёл насквозь и вышел к забору с другой стороны через три минуты.

Ему уже стало казаться, что всё это, все ночные приключения, он сам придумал, начитавшись у Конрада книг о пиратах и кладах или, быть может, это ему приснилось. Оставалась последняя надежда, прийти сюда ночью и по памяти, на ощупь поискать ту самую качающуюся доску в старом, чёрном от времени заборе. Вот именно это и сработало. Сначала Малыш подумал, что он сходит с ума – доска и дыра в забо-

ре, которую Малыш никак не мог найти днём (Конрад устал вытаскивать из его рук занозы), легко находилась в полной темноте на ощупь. Потом привык и перестал мучить себя вопросами (а Конрад и Суслик по-прежнему относились к его рассказам равнодушно).

С тех пор он частенько ночевал в пустом особняке. При- тащил тюфяк и ящик, в общем, обустроивался. В забро- шенном, а теперь вновь обживаемом Малышом доме всегда очень спокойно спалось. А по утрам почти не хотелось есть. Отсутствие его Конрад и Суслик, по всей видимости, даже не замечали, лишь иногда спрашивали, куда это он бегал так рано, а чаще и вовсе считали, что он спокойно провёл всю ночь на чердаке. Если бы не нужда добывать еду и не при- вычка к беседам с Конрадом, и страсть к книгам, Малыш, наверно, переселился бы сюда насовсем, но жизнь вынужда- ла бывать здесь только редкими спокойными ночами.

И как же Малыш испугался, услышав за стеной незнако- мый голос, чуть не сбежал не оглядываясь. За всё это вре- мя Малыш так и не встретил здесь ни единого человека, и никого не уговорил пойти с ним (впрочем, в этом он не осо- бо усердствовал). Только любопытство остановило его. Да, любопытство. Бывало, любопытство жестоко подводило его, втрапливало в разные неприятности, а никак бороться с ним Малыш не научился. Как можно устоять, если перед тобой таинственная неизвестность, или секрет, или просто то, чего никогда раньше не видел. Малыш был любопытен. Наверно,

именно это побуждало его раскрывать книгу каждую свободную минуту, это толкало его свернуть на ту улицу города, где он раньше не бывал (некоторые городские места приходилось посещать исключительно ночью). Любопытство примирало его с выслушиванием постоянного ворчания одного Конрада, ради его редких, но таких удивительно-интересных историй.

– Здесь очень странное место, – Малышу вдруг захотелось всё рассказать, ведь никто другой не слушал его рассказов про заброшенный район. – Сюда очень сложно попасть и ещё сложнее выбраться. Мне кажется, сам район решает, кого и когда пускать внутрь и выпускать наружу.

– Как это?

– Я не знаю, как объяснить, но чувствую, будто это место следит за мной. Я думал об этом, и мне кажется – этот район устал от людей, от всего, что они творят. И закрылся, никого сюда не допускает. В сказках бывает заколдованный лес, а это заколдованный район.

– Так это в сказках.

– Я верю в сказки, – Малыш, тут же застеснялся своих слов, засопел, – ну в то, что иногда в жизни всё случается, как в сказке, если, конечно, веришь. А если не веришь, так и совсем тошно жить, наверное. Вот Белоглазый и тот верит в удачу, в свою счастливую звезду, в фарт. Чем не сказка. Он только в чужие сказки не верит.

– А тебя район почему тогда пустил? – спросил Максим

принимая теорию о сказочном районе и пропуская мимо ушей незнакомого ему Белоглазого.

– Не знаю. Возможно, пожалел, а может быть знал, что я в сказки верю, ничего тут не нарушу. А ты сам-то как сюда попал?

– Как тебе сказать, я просто открыл дверь, вошёл и оказался уже в одном из этих домов. Мне эту дорогу показали и описание дальнейшего пути дали, а проводить не смогли. Сказали, что это самый короткий путь. Только не предупредили, что отсюда так сложно выбраться, а может, и сами не знали. Объясняли довольно туманно, говорили про совмещённые пространства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.